

31 марта 2021 г. исполняется 80 лет нашему учителю – филологу, фольклористу, монголоведу Сергею Юрьевичу Неклюдову. Сергей Юрьевич – доктор филологических наук, профессор, автор многочисленных исследований в области теоретической фольклористики и современного городского фольклора, ритуально-мифологических и эпических традиций монгольских народов; основатель и научный руководитель Центра типологии и семиотики фольклора (ЦТСФ) РГГУ и Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС; главный редактор журналов «ШАГИ / STEPS», «Фольклор: структура, типология, семиотика», «Фольклор и антропология города»; ответственный редактор книжной серии «Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика», председатель редколлегии серий «Исследования по фольклору и мифологии Востока» и «Сказки и мифы народов Востока», член редколлегии серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», журналов «Живая старина» и «Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология», редакционного совета журнала «Критика и семиотика». Член Международного Союза фольклористов (International Network of Folklorists), лауреат международной премии Питре за лучшую работу по фольклористике (1971 г.). Библиография научных работ Сергея Юрьевича насчитывает более 600 наименований (в том числе 8 монографий)¹.

Жанр юбилейного текста предписывает излагать мысли в определенной форме – биография, научные достижения, мемории, поздравления. Не нарушая этот канон, мы все же хотим немного отойти от него и передать, что называется «из уст в уста» несколько биографических историй, которые иногда рассказывает Сергей Юрьевич в неформальной обстановке – после защит диссертаций, дома за чаем, в 168 аудитории РГГУ после научного семинара ЦТСФ. Добавим к этому рассказы коллег, друзей, учеников, составим краткий указатель и расположим буквы в алфавитном порядке. А назовем мы это шутивным термином, популярным уже более 30 лет – FoafTale². Он используется для обозначения

¹ Библиография С.Ю. Неклюдова https://www.ruthenia.ru/folklore/nekludov_biblio.pdf.

² Термин «foaf» был введен Родни Дейлом (в его книге 1978 года «The Tumour in the Whale»). Дейл отмечал, что современные легенды, которые используют категорию достоверности, всегда, казалось, услышаны от кого-то знакомого: от двоюродного брата друга, от тети коллеги или от соседа вашего механика. Международное сообщество по изучению городской легенды издает бюллетень, который так и называется: FOAFTALE NEWS On-Line: <http://www.folklore.ee/FOAftale/>.

анонимного (но значимого!) источника фольклорных текстов, это своего рода рассказы “друга друга” – friend of a friend. Иногда, если это возможно, мы ставим ссылки на опубликованные интервью с Сергеем Юрьевичем, иногда это наши воспоминания. Важно одно: такие сведения всегда рассказываются с установкой на достоверность, несмотря на то, правда это или не совсем. Читать можно с любой буквы: как водится, в аналитическом инструментарии есть ссылки на источники и / или на сами тексты, кроме того, – указатель снабжен системой перекрестных ссылок. А следом за ним мы публикуем поздравления от коллег и учеников юбиляра.

Н.В. Петров, О.Б. Христофорова

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ НЕКЛЮДОВ: НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

А – Арбат. Москва детства для С.Ю. – это Арбат. Прогулки, школа, комиссионные магазины, фотографирование – множество ранних впечатлений связано с этими местами. «Арбат был по тем временам довольно оживленной, достаточно грязной улицей. Ну, как сказать, он ведь... Того, что сейчас называется Новый Арбат, не существовало, это были переулки. Вот, там никакого выхода туда, на Можайское шоссе, не было. И Арбат был единственным радиусом, выводящим, собственно говоря, от Кремля. Это Сталинский маршрут. Ну, если кто-нибудь помните или не помните, вот есть у Слуцкого стихотворение, “Бог” называется, оно даже было опубликовано в “Правде” в хрущёвское время. Ну как же: “Однажды я шёл Арбатом, / Бог ехал в пяти машинах, / От страха почти горбата в своих пальтишках мушиных рядом тряслась охрана. Было поздно и рано”. Ну, хорошие стихи, есть такие стихи». Арбат занимает важное место в воспоминаниях С.Ю., почитать их можно, например, здесь <https://pastandnow.ru/nsyu-001-02>.

Б – Белый старец (Цагаан Эбугэн) – так некоторые монгольские коллеги называют С.Ю. Рассказывает монголист А.С. Соловьева: «Это чрезвычайно важный персонаж монгольской мифологии и народного буддизма. Покровитель вод и гор, земли и всего живого, помощник в самых разных трудностях и начинаниях. К нему относятся с большим

* Краткая версия статьи опубликована: Живая старина. 2021. № 1 (109). С. 48–50.

почтением, любовью, и даже благоговейным страхом, ибо старец, будучи исключительно добрым и сострадательным, в гневе совершенно неистов. Потому все наши монгольские экспедиции, хотя и не без приключений, как положено настоящим путешествиям, проходили благополучно и увлекательно – ведь сам “белый старец” ездил с нами по степям и показывал удивительную страну “Вечного синего неба”. Итак, все гостеприимные юрты ближних и дальних стойбищ были перед нами открыты, разговоры текли рекой, столы ломились от самых лучших местных яств, приготовленных для приехавших из далекой Москвы гостей во главе с “белым старцем”... Однако сам “белый старец” от мясной пищи упорно отказывался, чем повергал наших заботливых хозяев в еще большее благоговение и в то же время замешательство, ибо в кочевье даже чай без бульона — не чай. Впрочем, сейчас все уже подготовлены к привычкам “белого старца” и ожидают его с большим нетерпением, с благочестивой белой пищей, вареными овощами и сушеными фруктами» (также см.: **В – Выбор, М – Монголия, О – Обряд, Э – Этнографический факт**).

В – Выбор. На филфаке МГУ С.Ю. посещал спецкурс по сравнительному изучению эпоса, который вел Е.М. Мелетинский. Он предложил С.Ю. на выбор две темы – одну по карело-финскому эпосу, другую по монгольскому: «Я занимался былиной. Мелетинский, который стоял на позиции сравнительного изучения фольклора, во-первых, считал, что былиной и так занимаются слишком многие, а во-вторых, хотел, чтобы я дополнительно выбрал себе одну из тех традиций, которые особенно интересовали его. Его спецкурс был по эпосу, и он предложил мне и моей сокурснице на выбор карело-финский и монгольский эпос. Поскольку со мной была дама, я уступил право выбора ей. Она выбрала карельский, а мне остался монгольский». Так после эпических появились и монгольские штудии. Но эпос занимает важное место в работах С.Ю., например, стоит почитать “Поэтика эпического повествования: пространство и время”. М.: Форум, 2016. А первая курсовая работа С.Ю. посвящена фольклорным источникам ершовского «Конька-Горбунка» (также см.: **М – Монголия**).

Г – Город. Городской текст – один из главных героев научных и биографических изысканий юбиляра. Сам Сергей Юрьевич родился в Москве 31 марта 1941 года в семье писателей – Юрия Николаевича Либединского и Ольги Сергеевны Неклюдовой. А бабушка со стороны матери ведет свое дворянское происхождение из «фольклорного города» Саратова. О городах – столичных и провинциальных – С.Ю. пишет несколько работ,

например: Тело Москвы: К вопросу об образе «женщины-города» в русской литературе³ // Тело в русской культуре. Сост. Г.Ф. Кабакова, Ф. Конт. М.: НЛО, 2005. С. 361–385; Столичные и провинциальные города в уличной песне XX века: топики и топонимика⁴ // Europa Orientalis, № XXII/2003:1. Р. 71–86. А о Москве есть замечательные воспоминания вот тут: <https://pastandnow.ru/nsyu-001-02> (также см.: **П – Песня**).

Д – Дачные места. Первые детские впечатления С.Ю. о пространстве - впечатления дачные, то есть Переделкинские: «Было Переделкино, а потом было Внуково, вот, а предыдущая, перед Переделкиным, станция, которая сейчас называется Солнечная, сейчас уже Москва. Тогда это, конечно, никакая не Москва была. Вот. Она называлась Суково. Вот. Неблагозвучно. Вот. И у нас был, жил такой вот в нашем стандартном доме такой симпатичный поэт-фронтовик, тоже сильно пьющий, по фамилии Бауков. Вряд ли кто его сейчас помнит, но вот такой был... ну и меня никто не помнит, я говорю, там жили в основном люди, которых сейчас мало кто помнит. Вот. И вот, значит, была так... был такой стишок, кем-то сложенный: “От Сукова до Внукова читают все Баукова”. Был, так сказать, местный, такой местный текст. Вот. Баук... Бауков, я помню, как мы с ним, почему, как мы с ним вместе оказались на одной территории какой-то, не помню, около дома, мы нашли какую-то белку, какую-то кем-то... А, кошка ли её что ли по... поранила, я не помню, но мы её как-то вот спасли, пошли к нему и там мы эту самую белку пытались поить молоком. Я помню, что это была... опыт не очень удачный, по-моему, она не хотела, ей было не до молока, но в общем, вот какое-то такое вот, как говорится, что-то доброе было и вот попытка эта мне так и запомнилась с тех пор...». Почитать воспоминания С.Ю. об этом можно на сайте «Народная история России»: <https://pastandnow.ru/nsyu-001-01> (также см.: **Ю – Юмор**).

Е – Елеазар Моисеевич Мелетинский. По окончании школы С.Ю. поступает на заочное отделение филологического факультета МГУ и вскоре становится участником научного семинара Е.М. Мелетинского. «Я с детства любил сказки и был по этой линии довольно-таки начитан. Видимо, это сыграло свою роль, и, когда надо было выбирать спецкурс, я выбрал спецкурс Елеазара Моисеевича Мелетинского. Его посоветовала моя знакомая, Инесса Захаровна Малинкович, знавшая Мелетинского по общему дружескому

³ Статья онлайн: <https://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov20.htm>

⁴ Статья онлайн: <https://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov24.htm>

кругу. Она сказала: “Иди к Зоре, там что-то настоящее”. Что это настоящее, я понял с первых слов, и дальше никаких колебаний у меня не возникало»⁵. Е.М. был в то время заведующим сектором фольклора в ИМЛИ и позвал своего дипломника С.Ю. к себе в аспирантуру. Отношения студента и научного руководителя вылились в многолетнюю дружбу и совместную исследовательскую работу. Е.М. как-то сказал С.Ю.: «По науке Вы – как бы внук Жирмунского». Жирмунского Елеазар Моисеевич считал своим единственным учителем.

Ж – Журналы. С 1996 по 2010 С.Ю. – главный редактор журнала «Живая старина», а теперь возглавляет целую серию научных изданий – с 2015 «ШАГИ / STEPS» (РАНХиГС), с 2018 – еще два: «Фольклор: структура, типология, семиотика» (РГГУ) и «Фольклор и антропология города» (РАНХиГС). А получилось это так. Когда в 2018 году подавали заявки на создание этих двух журналов, думали, что хотя бы одна заявка выиграет. Выиграли обе. Выпуски журналов можно почитать тут (<https://folklore.elpub.ru/jour>) и тут (<http://ufajournal.ranepa.ru/about>).

З – Забота. В 1991 году, прямо во время августовского путча, ректор Историко-архивного института Ю.Н. Афанасьев «захватил» здание Высшей партийной школы на Миусской площади, и так на базе ИАИ возник Российский государственный гуманитарный университет. 1 апреля 1992 года в нем был создан Институт высших гуманитарных исследований под руководством Е.М. Мелетинского, куда из Института мировой литературы переходит и Сергей Юрьевич. По должности С.Ю. был тогда заместителем директора ИВГИ, а по сути – его мотором (вместе с Еленой Шумиловой, которую, наверно, можно назвать душой Института). В те годы С.Ю. словом и делом заботится о научных проектах ИВГИ, о конференциях и публикациях, коллегах и аспирантах, а также о многом другом. Вспоминается такой эпизод из середины 90-х. Однажды С.Ю. вместе с Ольгой Христофоровой зашли по каким-то ее аспирантским делам к Ученому секретарю РГГУ. А, надо сказать, здание на Миуссах, построенное в начале века и достроенное в 1930-х, было не в самом блестящем состоянии. И в кабинете Ученого секретаря нещадно скрипела дверь. Обсудив дела, С.Ю. посмотрел на эту дверь, несколько раз ее открыл-закрыл ее, потом сказал «сейчас» и куда-то скрылся. Через 5 минут вернулся с бутылочкой машинного масла, залил его в петли, открыл-закрыл замолчавшую дверь и удовлетворенно улыбнулся.

⁵ <https://arzamas.academy/mag/717-nekludov>

И – Издательство «Искусство». После окончания университета С.Ю. работает в этом издательстве, где готовит к выпуску новую серию «Семиотические исследования по теории искусства». Книги, подготовленные им, вышли уже после его перехода в главную редакцию «Восточной литературы». Это «Поэтика композиции» Б.А. Успенского (1970), «Структура художественного текста» Ю.М. Лотмана (1970) и «Вопросы теории народного искусства» П.Г. Богатырева (1971).

К – Коллеги. Вместе с Е.С. Новик и Д.М. Сегалом С.Ю. – участник университетского (а после окончания МГУ в 1965 – домашнего) научного семинара Е.М. Мелетинского, где все они занимались структурным описанием волшебной сказки. Эта работа в 1971 г. получила международную премию Питре (Италия) за лучшую работу по фольклористике (Premio Internazionale di Studi Etnoantropologici Pitre-Salomone Marino). Самая ранняя публикация на эту тему: Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. К построению модели волшебной сказки // III Летняя школа по вторичным моделирующим системам. Кяэрику, 10–20 мая 1968 г. Тарту: [б. и.], 1968. С. 165–177. Самая обобщающая: Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Структура волшебной сказки. М.: РГГУ, 2001.

Л – Лаборатория теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС под руководством С.Ю. была создана в 2013 г. Сейчас С.Ю. ее научный руководитель. Лаборатория специализируется на изучении устных текстов как «базовых» текстов культуры и мифологической картины мира в массовом сознании, идеологии и политике. Речь идет об исследовании фольклорно-мифологических традиций и обрядовых практик на материале полевых записей из разных регионов Евразии, городского фольклора, сетевых форм культуры, а также русского идеологического и квазиисторического дискурса XX–XXI веков. Подробнее о лаборатории можно узнать тут <http://shagi.ranepa.ru/lab/folc>.

М – Монголия. Научный интерес к Монголии, как рассказывает Сергей Юрьевич, возник довольно случайно (*также см. В – Выбор*). Но эта страна появилась в жизни юбиляра довольно рано. Так, приятельница матери С.Ю., переводчица Вера Николаевна Ключева, работала в Монголии, на время работы оставив Неклюдовым свою комнату в Кривоарбатском переулке: «Сколько у неё помещалось людей в этой комнате, для монголов это был такой перевалочный пункт, потому что там приезжали, ну, она, понятно, она

обзавелась, она вообще была человеком очень компанейским, она обзавелась огромным количеством знакомых»⁶. В 1970-е годы Сергей Юрьевич начинает полевые исследования в Монголии, которые продолжаются в 2000-е. Результаты этих исследований опубликованы в книгах С.Ю.: Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.: Наука, 1984; Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М., 2019; Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М., 2019. Кроме того, можно посмотреть материалы экспедиций 2000-х годов здесь <http://www.ruthenia.ru/folklore/mongmain.htm> (также см.: Б – Белый старец, Э – Этнографический факт)

Н – Невозможно. Что может быть невозможно для Сергея Юрьевича? Не знать географию! Вот как рассказывает про это С.Ю.: «Про Сиам я знал, что есть сиамский кот, не больше того. Я на всю жизнь запомнил это на зачете у Елеазара Мелетинского (а он терпеть не мог зачетов, стеснялся, ему было неприятно экзаменоваться, видимо, потому, что перед ним говорили какие-то глупости). И мне почему-то показалось, что Сиам – это в Индонезии. И как-то так и выразился. Он так на меня укоризненно посмотрел... Это я запомнил на всю жизнь, что географическое невежество – это нетерпимо, это невозможно и с тех пор пытался всячески его преодолевать». А в магистратуре ЦТСФ студенты обязательно изучают географическую и этническую карту мира., подробнее про курсы можно почитать здесь http://www.ruthenia.ru/folklore/ma_program/ (также см.: Ц – ЦТСФ).

О – Обряд. Сергей Юрьевич – опытный и находчивый этнограф. Как говорят его коллеги и ученики, эти качества можно было увидеть в самых разных ситуациях. Рассказывает монголист Ю.В. Ляхова: «В самом начале поездки к бурятам Иркутской области “коллеги из Улан-Удэ решили провести ритуал, чтобы обезопасить себя от злых духов, которые могли активизироваться из-за того, что упоминались в нашем опроснике (или просто чтобы показать нам шаманов). Так или иначе, отказываться мы, конечно, не стали, встали с утра пораньше и с удовольствием пошли на обряд. Однако на месте нас ждала неожиданность. Оказалось, что в юрту, где должен был проходить ритуал, как в православную церковь, запрещено входить без головного убора. Все растерялись, а Сергей Юрьевич моментально нашел выход: достал из кармана чистейший отглаженный носовой платок, завязал на его кончиках четыре узелка, загнул их и сделал себе удобную шапочку, немного напоминающую большую полосатую кипу. Мы в итоге тоже нашли выход, но, как

⁶ <https://pastandnow.ru/nsyu-001-01>

и всегда, далеко не такой изящный, как Сергей Юрьевич. Нарвали растущих неподалеку лопухов и надели их вместо шапок. Шаман был удовлетворен и можно было приступить к обряду». Про экспедиции в Монголию разных лет можно почитать здесь: Монгольский опыт (середина 1970-х и тридцать лет спустя) // Живая старина, 2008. № 1. С. 43–45⁷ (также см.: М – Монголия).

П – Песня. Юбиляр знает множество «городских» песен. Началось все в детстве⁸, а продолжилось в Кэярику, где было два запевалы – Сергей Юрьевич и Елена Викторовна Падучева. «Когда я пою песню и не помню каких-то слов, мне хочется их заменить на другие. Встает важная методологическая проблема: как фольклорист, я не имею на это права, но как носитель традиции – могу себе это позволить. Вопрос не имеет однозначного решения»⁹. Именно этому жанру посвящены множество работ юбиляра, например, «Все кирпичики, да кирпичики...»¹⁰ // Шиповник: Историко-филологический сб. к 60-летию Р.Д. Тименчика. М., 2005. С. 271–303, или «Гоп-со-смыком» — это всем известно...¹¹ // Фольклор, постфольклор, быт, литература. Сб. статей к 60-летию Александра Федоровича Белоусова. СПб., 2006. С. 65–85 (также см.: Г – Город).

Р – Радиотехника. Первая работа семнадцатилетнего С.Ю. – предприятие эксплуатации радиорелейных магистралей, что удивительно, потому что в школе (где профилем была радиотехника) С.Ю. знал ее довольно плохо: «В школе нашим профилем была радиотехника: в классе я знал ее хуже всех, но парадоксальным образом оказался единственным человеком, который пошел по этой линии. На самом деле я этому обстоятельству очень благодарен и думаю, что это сыграло свою роль для дальнейшего умственного развития»¹². А еще, как говорит Сергей Юрьевич, работать в шпиле гостиницы «Ленинградская» очень приятно. Тут ссылок на труды юбиляра не будет.

С – Стихи. Когда С.Ю. писал стихи, это «было похоже на болезнь: какое-то время продолжалось, но прошло». Вот несколько строчек:

Небесный мост растает под ногой,

⁷ Статья онлайн: <https://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov29.htm>

⁸ См. фрагменты про песенное детство в воспоминаниях С.Ю., например, здесь: <https://pastandnow.ru/nsyu-001-04>

⁹ <https://arzamas.academy/mag/717-nekludov>

¹⁰ Статья онлайн: <https://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov22.htm>

¹¹ Статья онлайн: <https://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov25.htm>

¹² <https://arzamas.academy/mag/717-nekludov>

И канешь вниз сквозь хрупкие опоры,
Чтобы тварью робкой хорониться в норы,
Пить воду чёрную и засыпать зимой

Прочсть стихи можно в сборнике: Неклюдов С. Опыты в стихах. М.: ОГИ, 2016.

Т – Тарту. Во второй половине 1960-х гг. С.Ю. приезжает в Тартуский университет и на Летние школы по вторичным моделирующим системам, где встречается с Р.О. Якобсоном, П.Г. Богатыревым, Ю.М. Лотманом. Однажды, вспоминает С.Ю., они с Ю.М. прогуливались по окрестностям Кяэрику, где проводилась школа. « “Юрий Михайлович, доклад нужно снять, все, что я мог сказать, я уже написал в своих тезисах. Зачем мне выступать?” Он поковырял палкой землю и ответил: “Ваш доклад должен прозвучать”. И удалился». Вот этот доклад: К вопросу о связи пространственно-временных отношений с сюжетной структурой в русской былине // Тезисы докл. Второй летней школы по вторичным моделирующим системам, 16–22 августа 1966 г. Тарту: [б. и.], 1966. С. 41–45 (пер. на польский яз.: Niekludow S.Ju. «Sujet» a relacje przestrzenno-czasowe w rosyjskiej byline (Tezy) // Semiotyka kultury / Wybor i oprac. Elzbieta Janus i Maria Renata Mayenowa; Przedm. Stefan Zolkiewski. Warszawa: Panstwowy instytut wydawniczy, 1975. С. 388–391; пер. на фр. яз.: Neklioudov S.Y. Le probleme de la liaison des relations spatio-temporelles avec la structure du sujet dans la byline russe // Travaux sur les systemes de signes. Ecole de Tartu. Bruxelles: Éditions Complexe, 1976. P. 193–196).

У – Ученики. География учеников С.Ю. очень широка – от Улан-Батора и Пекина до Милана, Сан-Паоло и Нью-Йорка. Включая Петрозаводск, Ульяновск, Пермь, Якутск и другие города. С 2003 г. С.Ю. – глава международных Летних школ по теоретической фольклористике для молодых исследователей и научный руководитель интернет-сайта «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» <http://www.ruthenia.ru/folklore>, где можно почитать работы С.Ю., его коллег и учеников (*также см.:* **К – Коллеги, Ф – Фольклористика и мифология, Ц – ЦТСФ**).

Ф – Фольклористика и мифология. В 2009 г. в ЦТСФ была открыта магистерская программа «Фольклористика и мифология», руководителем которой бесценно является С.Ю. Магистрами-фольклористами стали с тех пор 40 человек, половина из них поступила в аспирантуру ЦТСФ (*также см.:* **Ц – ЦТСФ**).

Х – Хит. Абсолютным хитом с середины 1990-х стал термин «постфольклор», прижившийся в современной фольклористике и смежных дисциплинах. А впервые он появился в статье С.Ю. Неклюдова: После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4. Говоря о новых формах фольклора, С.Ю. там пишет: «Да полно, фольклор ли все это? Точнее, годится ли этот послушный нам термин для обозначения столь изменившегося материала? А может быть, правильнее считать, что “эпоха фольклора” (сначала “архаического”, а затем и “классического”) безвозвратно миновала, и перед нами – совершенно новое явление, для которого следует искать соответствующее название, ну, скажем, пост-фольклор?» (с. 4).

Ц – ЦТСФ. Центр типологии и семиотики фольклора РГГУ официально был создан в 2003, но неформально он возник гораздо раньше. В 1990-е С.Ю. был заместителем директора Института высших гуманитарных исследований РГГУ, преподавал на историко-филологическом факультете, и вокруг него образовался круг студентов и аспирантов, живо интересующихся фольклором. И в какой-то момент С.Ю. во главе молодежного отряда отделился от ИВГИ и поселился по соседству (*также см. Ф – Фольклористика и мифология*).

Ч – «Черепашка». С 1969 г. С.Ю. работает в Главной редакции Восточной литературы, редактирует книги серии «Сказки и мифы народов Востока». А подготовленной им первой книгой другой известной серии – «Исследования по фольклору и мифологии Востока» (или «черепашки» – по логотипу серии на обложке) – оказывается знаменитое издание «Морфологии волшебной сказки» В.Я. Проппа (1969). Посмотреть книги этой серии можно здесь: https://ru.wikipedia.org/wiki/Исследования_по_фольклору_и_мифологии_Востока

Ш – Шаламов. Отчимом Сергея Юрьевича в 1956 году становится Варлам Шаламов, о жизни и быте с которым юбиляр неоднократно писал. «Мне было 16 лет, и нужда в приватном пространстве уже становилась обоюдной. И вот нашу комнату – а они обе были по 12 с лишним квадратных метров – мы решили разделить поодоль, наподобие “пеналов” в общежитии имени Семашко у Ильфа и Петрова... Перегородку протянули от простенка между окнами почти до двери. “Пенал” побольше достался Варламу Тихоновичу, поменьше – мне». Прочитать мемуары С.Ю. про Шаламова можно здесь: <https://shalamov.ru/memory/192/>, <https://shalamov.ru/memory/66/>

Щ – Щепетильность. С.Ю. часто рассказывает про щепетильность при выборе предмета изучения: некоторые занимаются только буддийской культурой, другие только эпосом. Для него же интерес состоит не в конкретном материале: «Мне очень не хотелось заниматься ничем советским, а места, куда идеология не лезла, это либо лингвистика и древнерусская литература. Я решил, что фольклор, ну, пусть будет фольклор, сказки я любил с детства. Три любимых книжки – “Русские богатыри” – карнауховское переложение, очень хорошее, для детей. Когда Рифтин преподавал русский фольклор на Тайване для китайцев, и просил прислать тексты, я ему отправил тексты былин – он прислал отчаянное письмо, что они непереводимы на китайский язык, прислал карнауховское переложение – и очень пошло. Это очень хорошая книга. Вторая книга – “Жар-птица” – хорошая антология русской сказки – они выходили в 40-е годы. Потом у меня еще была любимая книга “Осетинские нартские сказания”. И я решил, что да, фольклор. Потом спецкурс Елезара Моисеевича, который обрушился своими лекциями на наши бедные головы (это было в 1962–1963 годах). И когда все эти – Меланезия, Полинезия, он сыпал номерами из Аарне и Томпсона и это было что-то невероятное. Сквозь это проступило что-то такое настоящее, чем надо заниматься. Поэтому для меня заниматься... у меня не было никаких преимуществ, чтобы я что-то хотел изучать, меня интересуют до сегодняшнего дня механизмы, а не конкретная культура» (*также см.:* **Е – Елезар Моисеевич Мелетинский**).

Э – Этнографический факт. В одной из своих статей Сергей Юрьевич пишет: «Что же касается истолкований подобного артефакта, которые предлагаются информантами, то эти объяснения, часто противоречивые и неуверенные, должны расцениваться лишь в качестве еще одной фольклорной формы, сообщающей об актуальной прагматике обычая (причем прагматике диалектной и варьируемой), но никак не о его объективном отражении»¹³. В Монголии С. Ю. часто замечает, что обряды и их описания могут сильно различаться. Иногда происходит и вовсе странное – люди стабильно совершают некоторые действия, но при этом отрицают их как неправильные. Например, оставляют на священных местах *обо* не только черепа любимых скакунов, но и покрышки от автомобилей. С. Ю. обнаруживает,

¹³ «Этнографический факт» и его фольклорные экспликации // Фольклор и этнография. К 90-летию со дня рождения К.В. Чистова. Отв. ред. А.К. Байбурин, Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 40.

что такие «неправильные» действия семантически оправданы и в дальнейшем могут стать признаваемым всеми ритуалом. Кроме процитированной, упомянем еще одну статью С.Ю. на эту тему: «Дурной обычай»: признаваемые правила и реальная практика в народной культуре // Запретное / допускаемое / предписанное в фольклоре. М., 2013 (*также см.: М – Монголия, Я – Языки*).

Ю – Юмор. В советские годы работы редактором, рассказывает филолог О.В. Белова, С.Ю. приходилось иметь дело с разными авторами, в том числе такими, которые считали, что одного их статуса достаточно, чтобы числиться учеными. Один из таких персонажей обогатил опыт С.Ю. сентенцией: «Видишь мысль – развей!» С подачи С.Ю. этот перл вошел в копилку опыта нескольких поколений научных редакторов. Подобные истории можно почитать в юбилейных сборниках «Кирпичики. Фольклористика и культурная антропология сегодня» (М., 2008; к 65-летию С. Ю.) и «Genius Loci» (М., 2016; к 75-летию).

Я – Языки. Из неевропейских языков С. Ю. знает монгольский и когда-то учил кхмерский (но говорит, что забыл). А с монгольским языком вот такая история. Когда С.Ю. в первый раз вместе с Б. Л. Рифтиным поехал в Монголию, они летели много часов на трясушемся самолете, прилетели, казалось, на другой конец мира. Выходят – какая-то окраина советского города. Улан-Батор тогда был пыльный, неухоженный, повсюду висели какие-то красные плакаты. На них было написано «МАХН мандтугай». МАХН созвучно с *мах(ан)* — «мясо (мясной)», и С.Ю. перевел это как «Да здравствует мясо». «Ну, - думаю, - интересно как». На самом деле это было сокращение: «Монгол Ардын Хувьсгалт Нам» (*также см.: М – Монголия, О – Обряд, Э – Этнографический факт*).

Иосиф Зислин

Сергею Юрьевичу Неклюдову

Подношение

Мне кажется, вокруг Сергея Юрьевича никогда не вращалось много учеников-психиатров. А жаль: врачам, и особенно душеведам, было бы полезно провести один-два семинара у фольклористов и поучиться у них. Но пока психиатры далеки от этого, я с гордостью

повторяю, что имел счастье учиться у С.Ю. на семинарах, в особенности на летних школах в Переславле-Залесском. Отсюда, кстати, у меня и возникла идея организовать школу для врачей, и именно в Переславле-Залесском.

Мое первое знакомство с С.Ю. произошло в далеком 2001 году на конференции в РГГУ (кажется, Лотмановской, но я не уверен). Это была одна из моих первых российских конференций. Я предполагал читать доклад на русском языке и сильно волновался. Мое выступление было посвящено Иерусалимскому синдрому, которым я тогда активно занимался в составе группы врачей иерусалимской больницы Кфар Шауль.

Председателем сессии как раз был Сергей Юрьевич. Публика, как всегда, была замечательная, и я, вдохновленный вниманием слушателей, быстро вошел в раж и понесся в дебри синдрома, не обращая внимания на время. Через минут тридцать уже и пиджак скинул, закатал рукава и продолжал заливаться соловьем. Трудно сказать, сколько времени я пел. Как потом оказалось, я съел время всей сессии.

С.Ю. меня не остановил, а только молитвенно сложил руки и смотрел на меня с некоторым ужасом. Тому есть документальное подтверждение – фотография.

После моего доклада ко мне подошла Татьяна Михайловна Николаева и сказала, что я съел и ее время, и время всех других докладчиков. А С.Ю. мне ничего не сказал.

С тех пор я стараюсь придерживаться тайминга, но иногда, когда на моих семинарах лектора заносит за границы отведенного ему времени, вспоминаю позу С.Ю., его умоляющий взгляд. И умолкаю.

Денис Грязев

С Сергеем Юрьевичем связано много воспоминаний. Но расскажу об одном навыке, который удалось освоить на его занятиях (не в такой степени, как у Сергея Юрьевича, конечно). Это умение составлять безразмерные таблицы и сравнивать версии.

Помню, как не получалось сводить варианты текстов из домашнего задания: какой-то элемент обязательно выпадал и рушил логику исследования. А на лекции Сергей Юрьевич показал волшебство высшего уровня – на одном листе А4 он с легкостью скомпоновал и гармонично разместил несколько таблиц, подведя все данные под общий знаменатель.

Будь то знаменитые «Кирпичики», или тексты, записанные у тюркских народов Сибири. Как? Для меня по-прежнему остаётся загадкой.

Спасибо, Сергей Юрьевич, в том числе и за этот навык.

Надежда Рычкова

Сергей Юрьевич — такой человек в моей жизни, без которого она точно сложилась бы иначе. Это сейчас я могу позвонить ему в любое время и обсудить не только научные дела, но и вполне бытовые вещи: попросить помощи, пожаловаться на жизнь, рассказать про детей, отпуск, болезни да мало ли что еще. Но так было не всегда. Когда я только попала в академическую среду, Сергей Юрьевич был для меня великим недосыгаемым гением. Он и сейчас такой, великий и гений, но только – близкий и родной.

Первый раз я познакомилась с ним, как и многие, на Школе в Переславле-Залесском. В 2008 году мы ездили в столовую в центр города — в гостинице тогда не работала кухня. И вот почему-то в одну из поездок в автобусе я оказалась рядом с Неклюдовым, прямо на первом сидении. «Вот бы использовать шанс, поговорить», — думала я, но рот не открывался. В общем за всю дорогу я так и не сообразила, что бы такого важного я могла спросить или сказать, все темы казались мне слишком простыми, что ли. Сергей Юрьевич, обычно разговорчивый, в этот раз почему-то тоже молчал. Дорога казалась мне невероятно долгой и мучительной: но почему я не поискала другого места? Кажется, на первой школе я так ни разу и не пообщалась с Сергеем Юрьевичем, на следующий год он приехать не смог, так что первое знакомство было на вступительном экзамене.

Я видела, как Саша Архипова легко болтает с известным ученым, радовалась его доброжелательности ко всем, но девочке из сибирской деревни, которую воспитывали не просто уважать учителей, а боготворить их, вдруг заговорить с великим человеком о чем-то бытовом даже в голову не приходило. У меня сохранилось письмо, которое я отправляла моему будущему мужу в Красноярск с рассказами о житье-бытье в Москве. И одним из событий новой жизни был визит к Неклюдову – обсудить мою диссертацию. Мне было 25, я только поступила в аспирантуру ЦТСФ. Привожу его без редактуры, сейчас оно кажется наивным и смешным, но зато отлично передает тот важный переворот, который случился

со многими провинциальными ребятами, решившими приехать в ЦТСФ к Сергею Юрьевичу:

«Про поездку в гости к Неклюдову. Заходишь в квартиру и, конечно, поражает обилие книг, начинаются они прямо в коридоре, по обе его стороны стеллажи, полки, шкафы всевозможные. Хозяин галантно снимает куртки и предлагает мягкие тапочки. Потом проходим по коридору в кабинет. В домах интеллигентов, настоящих интеллигентов, отдельная комната отведена не для зала, а для кабинета. И здесь по всем стенам книги, кроме разве той, где окно – там рабочий стол. Диванчик и журнальный столик на колесиках с разными вкусами. Кроме книг на полках огромное количество сувениров, необычных, привезенных из разных экспедиций и стран. Расположились мы на диване, выпили пару чашек чая и приступили к обсуждению рабочих моментов. Диссертация, которая задумана была еще в Красноярске, могла быть дописана за год, так сказал СЮ, но она будет скучная и такая, каких много. Поэтому буду писать по городским песням и составлять указатель сюжетов. Провели мы у него часов 6, уехала под большим впечатлением. Общаясь с ним и будучи в его квартире, постоянно возникали аллюзии с жизнью писателей начала XX века, с Пастернаком, например. Настоящая интеллигентская семья, о которых раньше только в книгах читала».

В моей квартире в Москве, которую, кстати, мы смогли купить опять же не без участия Сергея Юрьевича (его я шутя называю моим научным папой) и моей научной мамы Елены Евгеньевны Левкиевской, тоже нет зала, а есть кабинет – с книгами и с сувенирами из разных стран...

С огромной благодарностью за все, Надя

Яна Павлиди

1

У всех бывают дни, когда статья не пишется, былина не сказывается, заговор не работает, а за окном идет мокрый снег. И все бы ничего, да только вот работа не ждет. Не ждет, а стоит с булавой в самом дальнем углу комнаты и молча наблюдает.

Именно в такое время обычно и не удается выпить с утра кофе, хорошо ответить на паре и удержать легкость собственного бытия. Возвращаешься после тяжелого дня домой,

угрюмое Идолище, ползешь по улочкам-переулочкам в надежде на ужин и целительный сон. Открываешь дверь, смотришь на работу (и шепчешь ей: «кинь булаву, кинь булаву») и по инерции открываешь ноутбук. В почте обнаруживаешь новое письмо:

«Дорогая Яна...».

И подпись в конце: *«Ваш СН».*

А ведь нормальная погода сегодня была, хорошая. Кофе можно и поменьше пить, для сердца полезнее. На паре не ответила, зато материал хорошо знаю. Да и булава не такая уж и большая...

2

В Новый год надо было придумать текст, который без чувства стыда можно было бы отправить Сергею Юрьевичу. Поздравить так, чтобы сразу стало понятно:

- 1) во мне много уважения и любви;
- 2) в Новом году у Сергея Юрьевича все будет хорошо.

На 99 кругу правки текста мне внезапно стало дурно. Рука моя дрогнула, и Сергей Юрьевич превратился в «маяк». Чтобы понять это сложнейшее сравнение, нужно помнить:

- 1) у маяка теплый свет;
- 2) маяк ориентирует.

«Балда! Кто ж так пишет, ей-богу», – думала я. Оставалось только написать «богатырского Вам здоровья» и «нас ждут великие дела» (и то, и другое в итоговое поздравление вошло, разумеется).

На мгновение пустой взгляд магистранта-неофита застыл на написанных словах.

– А ведь, – продолжала думать я, – Сергей Юрьевич совсем не умеет ругать, а если и ругает, то делает это крайне мягко и вежливо. Все студенты спрашивают у него советы, консультируются с ним по поводу магистерских, делятся самыми разными мыслями. И каждый из них получает необходимый совет, поддержку и теплое общение. Ученики Сергея Юрьевича, «дети Неклюдова», все большие ученые.

А он среди всех – самый большой.

И пусть запишут меня в графоманы, но не соврала, не слукавила.

Если бы мне нужно было охарактеризовать Сергея Юрьевича одним словом, то это было бы слово «доброта». Когда я впервые пришла в ЦТСФ на день открытых дверей, я ужасно всего боялась – и не очень вообще понимала, что делать и что говорить. Но одной улыбкой Сергея Юрьевича хватило, чтобы стало нестрашно (и чтобы я точно поняла, что здесь – моё место, и здесь обязательно надо остаться). И если бы мне нужно было подобрать одну-единственную ассоциацию с Сергеем Юрьевичем – то это был бы тихий, ясный свет, который проникает везде. И стараешься стать как можно лучше и делать всё как можно лучше, потому что на свету иначе нельзя.

Василий Воробьев

Ещё во времена «пушкинских» штудий сидели мы с коллегой над черновиком стихотворения «Сорока»¹⁴. Попалась метафора или образ какой, старший коллега и говорит: «Это надо к Серёже Неклюдову, он всё знает/понимает!»¹⁵. Кто такой С. Неклюдов я спрашивать не стал, хотя остался заинтересованным. Спустя какое-то время вижу на книжной полке – С.Ю. Неклюдов¹⁶. Посмотрел, что-то про монгольский эпос. Так примерно и получилось: человек между знанием о монгольском эпосе и пушкинской «Сороке».

А потом какое-то интервью с С.Ю. с разговором о том, что «наука – дело будничное». Позиция, которая всегда казалось близкой и понятной, вопреки всем говорившим о вдохновении и прочем.

Спасибо Вам, Сергей Юрьевич!

¹⁴ Стихотворение «Стрекотунья белобока» см. здесь:
<http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol03/y03-180-.htm>

¹⁵ Цитирую по памяти.

¹⁶ Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов: устные и литературные традиции / С. Ю. Неклюдов. – М.: Наука, 1984. – 309 с.

Мое знакомство с Сергеем Юрьевичем состоялось в 2006 году на Первом конгрессе фольклористов – там я, по совету моего научного руководителя Евгении Борисовны Артеменко, преподнесла ему свою монографию по сказке, написанную по материалам незадолго до этого защищенной кандидатской диссертации. Сергей Юрьевич благосклонно принял книжку, но я даже подумать не могла, что он будет ее читать и что ему вообще есть дело до незначительных и неизвестных молодых коллег.

Как оказалось в дальнейшем, Сергей Юрьевич читает все, что ему дарят и присылают, все обращения к нему никогда не остаются без ответа, но обязательно получают отклик. Это его качество – внимание и живой интерес к тому, что делают и пишут коллеги по цеху, – меня всегда удивляло и даже поражало, особенно когда я поближе узнала Сергея Юрьевича и смогла оценить степень его занятости.

Совсем неслучайно Сергей Юрьевич стал центром притяжения для многих и многих молодых фольклористов – не только своих учеников, которым посчастливилось писать под его руководством курсовые, дипломы и диссертации. Как настоящий ученый, он трудится ради чистой радости познания. Но ему недостаточно самому познавать – он щедро делится своими знаниями, опытом, научным и духовным багажом со всеми, кто проявляет хотя бы малейший интерес к науке. И эта светлая энергия в сочетании с огромным человеческим обаянием притягивает людей и делает мир вокруг намного лучше.

Я ощутила это притяжение в 2008 году, когда впервые попала на Летнюю школу в Переславле как слушатель. С тех пор я стала постоянным участником этих Школ, а ныне я уже сотрудник Центра типологии и семиотики фольклора. Но я думаю, и сам Сергей Юрьевич не в полной мере знает, насколько велика и судьбоносна его роль в моей жизни. Упомяну два факта.

На одной из школ в 2011 году Сергей Юрьевич пригласил меня в докторантуру. Это событие, конечно, имело для меня большое значение – открылась новая страница не только в научной работе, но и вообще в жизни. Но еще важно, что это случилось в особенно трудный для меня период – тогда во время «оптимизации» и слияния кафедр в моем родном Воронежском педуниверситете я попала под сокращение штата. Правда, через год меня восстановили, но в тот момент я была в подвешенном состоянии и было непонятно,

останусь ли я вообще в профессии, поскольку она перестала приносить средства к существованию и мне пришлось пробовать себя в разных сферах. Предложение Сергея Юрьевича послужило тогда для меня огромной поддержкой и помогло остаться на плаву, в академической среде.

И еще один факт. Сергей Юрьевич причастен, хотя и косвенным образом, к моему личному счастью – со своим будущим мужем я познакомилась на его прошлом юбилее. И в этом тоже проявился его талант соединять людей!

Сегодня я хотела бы добавить свой голос к многочисленным поздравлениям, словам любви и признательности, которые прозвучат в адрес нашего юбиляра. С днем рождения, дорогой Сергей Юрьевич!